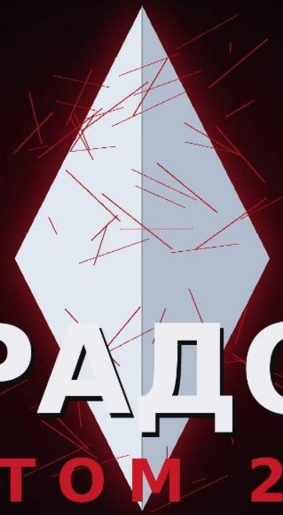
ВИНОГРАДОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

ПАРАДОКС

ТОМ 2

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

тор молчал. Ей не нужно было лг(

18+

Виноградов Дмитрий

Парадокс. Том 2

Серия «Парадокс: Летопись», книга 2

https://litres.ru/74791468
SelfPub; 2026

Аннотация

«Парадокс. Том 2» — продолжение тайной хроники, где каждая история — новый стежок на старом шве: нацистская Германия и советские лаборатории сшиты одной нитью, и распутывать её будут уже не герои, а свидетели. Если выживут.

Содержание

История 7 4
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Виноградов Дмитрий
Парадокс. Том 2

История 7

Условно живой

Чёрная «Волга» плавно остановилась у серой коробки контрольно-пропускного пункта, из которого тут же вышел охранник в военной форме. Чеканя шаг, он подошёл к боковому окну, медленно опустившемуся при его приближении. Слегка нагнувшись, уже немолодой сотрудник безопасности протянул руку для рукопожатия.

— Товарищ директор, доброй ночи. И чего вам дома не спится?

— Ох, Сеня, Сеня, дела наши грешные. Наверх вызывали, торопят, карой грозят — вот и приходится жертвовать сном. А у меня, можешь представить, колени уже не те, чтоб бегать как молодой сайгак. А им хоть бы хны: твердят всё одно — результат подавай, и бумажкой тычут. Не справишься — посадят.

Сеня, понимая собеседника, покачал головой, вспоминая утренний разнос.

— Начальство оно такое. Моё тоже лютует после того, как ваша Лидка покуролесила. А она в чём виновата? Гостям па-

мятку давали, давали. Так сами виноваты, что к девке со срамотой приставать стали. Им-то какое дело, что она голая? Дурни, одним словом.

Фома Егорович вздохнул и посмотрел на наручные часы.

— Прости, Семён Самуилович, но время уже без четверти час, а нам ещё работать.

— Да не извиняйтесь, чего я, непонятливый чёль. Вы эт главное скажите: нам, как в прошлый раз, к спектаклю готовиться?

— Можете отдыхать. Сегодня будем без шума — да и надоело что-то каждый раз прибираться.

— Эт да, эт мы можем с размахом. Ну так удачи вам.

Видно было по глазам, что Семёну уж больно не хотелось убираться после очередного представления, да и грешил он душой: Лидии побаивалась вся охрана — они видели тест, когда она располовинила корову своими странными звуковыми лучами.

После условного знака охранника ворота плавно поползли в сторону, пропуская машину дальше, и медленно захлопывались за ними, словно челюсти мифического зверя.

Кабинет встретил их тишиной и полумраком. Фома торопился, поэтому не стал включать свет, сразу присел за свой стол и быстрым движением скинул гору папок на пол, освобождая селектор.

— Дежурная группа! Подготовьте лабораторию к проведению работ, доставьте туда образцы в рамках проекта «Ми-

мик» и ещё пригласите проследовать в лабораторию Павла Рагозина.

Из динамика раздалось заспанное ворчание.

— Силуянов! Петька, ты что ли опять в кабинет директора пролез? Я тебе говорил так не делать, а то по шапке получишь — и знаешь, куда идти со своими шутками?

Фома ехидно улыбнулся.

— Дай догадаюсь: в пешее эротическое. Я правильно догадался, Щербаков?

Из трубки прозвучало сакральное:

— Ой.

А затем послышалось монументальное падение со стула, сопровождающееся громким звоном падения чего-то металлического.

— Вот те и «ой». Голубчик, выполняй распоряжение, а по поводу сна во время дежурства мы побеседуем с утра. Понял?

— Понял.

— А раз понял — марш выполнять.

— Есть.

Зазвучали длинные гудки. Фома опустил трубку нарочито медленно и плавно откинулся на спинку кресла, принимая привычное положение. Напротив, за своим столом, по-прежнему в идеальном порядке сидела Лиза, между пальцев была зажата тлеющая сигарета. Немного пепла сорвалось на стол, смотрясь там как нечто инородное.

— Скажи, Allvater Wotan, мы уже не вернёмся сюда?

Голос её неуловимо дрогнул на этой фразе.

— А ты успела привыкнуть к этим стенам? Кажется мне, когда-то ты называла это место безвкусными казематами и уговаривала меня осесть во Франции. Мечтала увидеть Париж, хотя после ваших налётов там было довольно уныло.

Она фыркнула.

— Так только моих, Herr Professor Maus.

— Это было давно и почти неправда.

Он слегка подался вперёд, беря в руку футляр с гравюрой волка, пытающегося проглотить луну. Раздался тихий щелчок, и крышка открылась, обнажая содержимое: там, на красном бархате, лежал кристалл кварца с вкраплениями тонких нитей алого цвета.

Зрачки Лизы слегка расширились, а рука с сигаретой мелко задрожала.

Это заметил Фома.

— Alle außer dir, meine liebe Kali.

Голос его прозвучал глухо, словно раскаты грома в тёмных тучах.

Лицо Лизы Мейтнер неуловимо стало меняться, словно воск, опадающий со свечи: кожа стала напоминать тонкий пергамент, вены наполнялись чернотой, белки приобрели синюшный оттенок, а радужка наполнилась кровью. Вся аристократичность ушла, как опадает листва с умирающего дерева.

— Не льсти себе, брат. Я даже мёртвой продолжаю ненавидеть тебя.

Голос, грубый, уже не Лизы, стал напоминать шипение гадюки, которой наступили на хвост, нежели человеческую речь.

— Я знаю, сестра, и ценю это.

— А ценил ли ты тех, кого бросил в печь своих амбиций?

Нечеловеческий смех заполнил кабинет, и эта насмешка ранила его сильней любого оружия.

Фома, Маус, Один — тот, кто существует с начала времён, — щёлкнул пальцами, и наваждение пропало.

Лиза озиралась по сторонам.

— Я задремала, или вы вновь со мной что-то сделали?

Раздался сигнал селектора, и её вопрос так и остался без ответа.

— Товарищ Лазарев, ваши указания выполнены: лаборатория подготовлена, образцы на месте, товарищ Рагозин вышел к месту проведения эксперимента, — отчитался Анучкин.

— А где Щербаков?

Из трубки раздалось робкое:

— А он это… убежал. Ну, в смысле, вообще убежал.

— Понятно. Передай, что завтра может возвращаться, я передумал его наказывать.

Фома повесил трубку, защёлкнул футляр, пряча его в кармане.

— Ну что, Лизанька, берите свой аппаратик — и в путь.

Они вышли молча, так же молча шли по пустым коридорам Института. Он смотрел только вперёд, готовясь к предстоящей работе: осматривал каждую трещину в стене, пытаясь запомнить. То же самое произошло и в прошлом. Они так же молча покидали стены Института Наследия в Берлине. Словно воры, сделавшие грязное дело и уходящие незамеченными в ночной темноте.

— Опять наша спутница — тишина.

Горечь наполняла её голос.

— Не печалься. В этот раз всё будет по-другому: мы уйдём громко.

Она не ответила. А смысл, если всё уже решено за неё — как и в тот раз, как и всегда?

У входа в лабораторию стоял мужчина в белом халате с биркой на простой картонке — Павел Станиславович Рагозин, в мятых брюках. Его волосы уже поредели, слегка поседели, во взгляде читались тревога и страх.

— Павлуша, какой-то ты сегодня помятый больше, чем обычно. У тебя что-то случилось?

Человек озирался по сторонам, как будто чего-то или кого-то боялся.

— Разве вы не слышали? Намедни, пока вы к начальству ездили, Харон сбежал. Боюсь, он мне отомстит за команду «Варяга».

Фома в привычной ему манере обошёл сбоку трясущего-

ся за свою жизнь Павла и, уже открыв вход в лабораторию, произнёс:

— Не бойся, Мельник. Только мы с Лизаветой знаем о твоих шалостях на «Варяге», так что не дрейфь — не ищет тебя капитан мёртвого корабля.

Он вошёл внутрь, а остальные последовали за ним. Последним заходил Рагозин, запирая за собой дверь.

Помещение было типовым — стандартная операционная, как и в большинстве поликлиник Союза. Из общей картины выбивался огромный металлический стол, имеющий углубления по центру, напоминающие контур тела человека, да несколько аппаратов у стены, мигающих мириадой огней.

— Итак-с, приступим.

Лазарь потёр ладони в нетерпении.

У стола стояло два контейнера из странного материала, внешне напоминающего обсидиан.

Фома открыл первый — из него вырвалось белое облако холодного воздуха, и присутствующие увидели внутри аккуратно упакованные в прозрачные пакеты руку и ногу мужчины. По ладони шла рваная рана, сквозь которую была видна белая кость; нога тоже несла на себе следы чьих-то когтей.

— Ну здравствуй, Ефим, давно не виделись. А ты говорил — не сработаемся. Вон каких дел наворотили, а что ещё будет! Так что давай приступать к работе снова.

Он бережно опустил остатки тела на центр стола и потянулся за вторым контейнером, который был чуть меньше и

имел ручку для переноски.

— Так-с, а ну-ка оценим экземплярчик.

В небольшом смотровом окне была видна клубящаяся тёмная дымка: она непрерывно ощупывала стенки своей тюрьмы вибрирующими ложноножками.

— Как думаешь, Лиз, нормальный экземпляр?

— Вполне. Под стать хозяину — верткий, словно уж на сковородке.

— Довольно колкая шутка. Ладно, давай аппарат.

Он протянул руку, а она в недоумении посмотрела на него.

— Зачем он вам до пробуждения образца?

Фома не ответил, лишь требовательно потряс ладонью.

— Как хотите, больно мне знать надо.

Она небрежно протянула коробку с кнопкой.

— А вы, голубчик, давайте ключик.

Рагозин, в отличие от Лизы, не задавал лишних вопросов: он просто отдал требуемое и вернулся на своё место, возле шкафчика с реагентами — там он обычно и стоял во время тестов лабораторных объектов.

Резкий удар об угол стола — и аппарат Лизы рассыпался в ладони Лазаря. В руке осталась кнопка, с обратной стороны которой был вмонтирован острый шип и странного вида ампула, заполненная фиолетовой фосфоресцирующей жидкостью.

— А спектаклей больше не будет. Зритель оказался небла-

годарный — ему фурора не хватало. Вот мы и дадим концерт, от которого будет рукоплескать весь мир.

Он улыбнулся, и Павлу стало плохо от этой улыбки: ведь сейчас в его руководителе промелькнуло нечто, что несёт в себе крупицы истинного страха.

— О, чуть не забыл. Лиза, ты же сегодня не ела?

Его перебил Павел.

— Если хотите, могу принести эклеры и чай — в столовой должны были остаться, парни наверно не все сели.

Фома поморщился, словно под ухом зажужжал надоедливый комар.

— Не стоит. Так сказать, мы всё своё берём с собой. Ну что, Лизанька, голодна?

От этого «голодна» у Рагозина моментально взмокла спина, несмотря на то что в лаборатории было довольно прохладно, — он-то знал, что ест эта женщина. Или кто.

На Лизавету было жалко смотреть: она как-то моментально осунулась, из гордой сильной женщины превратилась в забитую старуху, отрицательно помотавшую головой.

Павел это заметил, и ему стало ещё страшнее. Всё повторялось — но теперь с ним.

— А это, Лизанька, моя душа, не праздный интерес, а приказ. Выполняй. И да: у меня плохое расположение духа — пускай он молчит.

Рагозин всем своим естеством почувствовал угрозу, по его спине ручьём потёк холодный пот. Лизавета, до слов ди-

ректора выглядевшая как забитая жертва, вновь преобразилась: взгляд стал томным, словно в предвкушении чего-то запретного, губы налились алым соком, глаза заблестели хищным азартом.

Она стала медленно и грациозно двигаться к углу, в который, трясясь, забился Рагозин.

— Вы чего удумали? Я не дамся! Остановитесь, ну пожалуйста.

Его никто не слушал, а с девушкой стали происходить ещё более разительные изменения. Перед ним уже была не та Лизавета — это был монстр, кормёжку которого он наблюдал не раз.

Она шла к нему молча, без рычания, с улыбкой и взглядом, обещающим блаженство. Он же искал в кармане брюк единственный шанс на спасение — складной нож.

И когда он выставил его перед собой, как спасательный круг, она не остановилась даже тогда, когда тонкое лезвие стало медленно погружаться сквозь белую блузку в её упругую грудь. Когда лезвие вошло по рукоять, он не выдержал и отпустил нож — тут же орудие туриста выскользнуло из раны само собой.

Его испугало не отсутствие крови на белой ткани, а то, что показалось из неестественно ровного разреза — словно он проткнул не живого человека, а тряпичную куклу. Это были тонкие, длиной в сантиметр, алые отростки: они тут же стали заполнять рану, словно кровь, а затем за секунды края

сомкнулись, и от пореза не осталось и следа.

Он в ужасе, сбиваясь, запричитал, в то время как помощница директора медленно, словно мать ласкает ребёнка, провела рукой по его шее и остановилась, закрыв ладонью ухо.

— Прошу, не надо! Я же сделал всё, что вы велели, я никому не скажу, ну отпусти…

Договорить он не успел, так как почувствовал острую боль. Он не видел, как из-под аккуратной ладошки Лизы потекла тонкая струйка крови, зато почувствовал, как нечто острое пробило тонкую грань между мозгом и ухом, а затем в образовавшуюся брешь проникло нечто, что несло адскую, ни с чем не сравнимую агонию беспомощности.

Павел начал стареть: сначала медленно, но затем он за пару секунд превратился в сморщенный мешок с костями, рухнувший с влажным шлепком на кафельный пол. В воздухе повис аромат тлена и гнили.

— Графиня, подойдите, пожалуйста.

Она стояла. Это не было новым приказом — это была просьба.

В этот момент по столу ползла чёрная субстанция, плавно подбирающаяся к останкам Ефима. Секунда — и она уже облизывает своими отростками мёртвую плоть, обволакивая её сантиметр за сантиметром, пока не растворяет в себе без остатка.

— Ох и обжора ты, шарик. Лопнешь же?

Лазарь подошёл к тому, что осталось от Рагозина, присел

и, щёлкнув пальцами, указал перстом на стол с мимиком. Останки медленно оторвались от земли и поплыли к столу.

Зверь жадно принял угощение. Казалось, он урчит от удовольствия, словно это был обычный щенок, неделю неприкаянно шатавшийся по тёмным подворотням и наконец нашедший добрую душу, способную забрать все его страдания на себя, стать ему хозяином.

Лиза вздрогнула, сбрасывая сытость наваждения: зверь утолил голод, отпустив её, — он уснул, а она проснулась вновь.

— Лизавета, мне долго вас ждать!

Она вздрогнула от его голоса, увидев его — того, кем восхищалась, боялась и ненавидела, — совсем другим. Он был не похож на древнее божество, которому приносили в жертву целые города, на того, кто за знания отдал свой глаз. Перед ней сейчас был суетящийся, нервный старик. Он боялся — не её, не людей, до которых ему не было дела. Он боялся, что у него не получится добиться задуманного, он боялся упустить саму цель, к которой шёл столетиями.

Лазарь — нет, Один — почти вышел из себя, когда она подошла к нему, ожидая, что будет дальше, не со страхом, а в нетерпении.

В это время мимик уже вошёл во вторую фазу трансформации, перейдя от поглощения к изменению. Его неосязаемая туманная форма плавно перетекала, превращаясь в чёрную смолянистую жидкость, заполняющую центр стола.

Он по-прежнему был аморфен: ещё не сформировалось чёткой структуры, всё в нём было условно.

— А ну-кась поможем нашему новому другу.

Фома раздвоил капсулу, что была сердцем прибора Лизаветы и вмещала её кровь — кровь древнего паразита. Фиолетовая капля сорвалась, меняя свой цвет в полёте на ярко-алый. Мимик принял её жадно: ложноножки вытянулись и схватили её на лету. Вся масса на лабораторном столе пришла в движение — она сохраняла форму гуманоида, но по ней ходили волны, создавая причудливые узоры.

Третья стадия началась с кончиков пальцев ног: они стали миллиметр за миллиметром покрываться человеческой кожей; ногти и волосы сформируются на последней стадии. Лиза видела этот процесс не раз. Но сейчас было не так. Когда ноги мимика уже стали неотличимы от человеческих, она увидела выведенные на его коже письмена. Руны складывались в причудливые узоры, они менялись и перетекали, словно живые, складываясь в слова древних проклятий того, кто отдал всё, получив взамен только иллюзию власти.

Последней сформировалась голова с лицом парня двадцати семи лет. Это было не совсем лицо Ефима, как она ожидала: было маленькое, еле заметное отличие — шрам, который был на брови Рагозина, перекочевал к мимику.

— А теперь, моя милая графиня, ваш выход. Вот он, ваш спящий принц — можете целовать.

Лиза Мейтнер не шевельнулась: она стояла с ужасом,

смотря на то, что у них получилось.

— Я не могу, Allvater Wotan. Я его боюсь. Мы его боимся — это не должно существовать.

— Нет, моя милая, как раз это и обязано существовать. Именно это должно стать величием над всеми мирами, от явных до скрытых, от тени моего отца. Пусть все его творения вздрогнут от ужаса, увидев мой триумф. Ведь именно я создал совершенство.

Одина трясло: он был в предвкушении, страх ушёл, уступив место экстазу и наслаждению актом творения, ранее недоступного ему.

Она не шевельнулась — ужас сковал сердце при виде противоестественного сплава.

Один устал от ожидания.

— Графиня, я приказываю тебе вдохнуть жизнь в это тело. Отдай всё, что забрала у других.

Слова были сказаны — сомнения, страхи ушли из её головы, оставив скорбь. Отдать всё то, что она забрала, не значило смерть для неё, но было хуже: ведь столько лет она несла в себе память того, того Фомы, что был влюблён даже в монстра. Светлого князя, остававшегося лучом солнца в её тёмной душе, а не этой поделки, что привязала её к себе, словно побитую дворнягу.

Тело графини менялось: человеческое уходило на второй план. Кожа на животе натянулась и с треском пергамента лопнула, освобождая рёбра, получившие свою псевдожизнь;

от лобка до гортани распахнулся влажный зев, из которого высунулись мириады влажных от крови жгутов. Они обвивали телом мимика Ефима, оставляя на коже красные разводы. Лицо графини напоминало кукольную голову, висевшую безвольно. Её одежда осыпалась лохмотьями на пол, не выдержав трансформации; руки и ноги приобрели гротескный вид.

Из чёрного провала, ранее бывшего прекрасным телом, выстрелил длинный мускулистый язык с узким шипом на конце: он ввинтился в солнечное сплетение мимика, толстые вены на нём набухли, перекачивая внутрь творения Одина саму суть её жизни — память, ту память, что она пила вместе с жизнью жертв.

С каждой каплей её тело дряхлело, старело, и когда последняя капля ушла к новому носителю, на пол упало не чудовище, не графиня — дряхлая старуха, тело которой вновь медленно обретало человеческую форму.

Фома склонился над ней.

— За всё надо платить, дорогая, и пришло время платить мне.

Он провёл острым лезвием скальпеля по центру её лба: кожа разошлась, оголяя белую кость. Затем он открыл футляр, извлекая кристалл.

— Это мой прощальный подарок тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.